

9. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
10. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л., Наука, 1981. Т. 2.
11. Православный молитвослов. М., 2009.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1957–1958.
13. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009.

* * *

1. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. M., 1955. T. 9.
2. Berdjaev N.A. Filosofija svobody. M., 2002.
3. Blok A.A. Sud'ba Apollona Grigor'eva // Ego zhe. Sobranie sochinenij: v 8 t. M.–L., 1962. T. 5.
4. Grigor'ev A.A. Sobranie sochinenij: v 2 t. M., 1990. T. 1.
5. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L.: Nauka, 1972–1990.
6. Zharavina L.V. Ot Pushkina do Shalamova: russkaja literatura v duhovnom izmerenii. Volgograd, 2003.
7. Zakon Bozhij. Nizhnij Novgorod, 2010.
8. Kuznecov M. Istoriko-statisticheskij ocherk prostitucii v Peterburge s 1852 po 1869 gg. // Arhiv sudebnoj mediciny i obshhestvennoj gigieny. Spb., 1870. Kn. 1. Mart. Otd. III. S. 3–41.
9. Merezkovskij D.S. L. Tolstoj i Dostoevskij. Vechnye sputniki. M., 1995.
10. Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t. L., Nauka, 1981. T. 2.
11. Pravoslavnyj molitvoslov. M., 2009.
12. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. M., 1957–1958.
13. Florovskij G.V. Puti russkogo bogoslovija. M., 2009.

Transformation of the plot of the Fall of Man and the problem of identifying the lyrical hero Apollo Grigoriev

The article considers the origins of the plot of the Fall of Man in Russian literature. The author studies the transformation of the plot of the Fall of Man into the poetry by A. A. Grigoriev. The ideological and artistic originality of the lyrical text is revealed. The motive of the kneeling of the fallen hero in the poem by Grigoriev is related to the prose of F.M. Dostoevsky. The lyrics of Grigoriev are understood in the paradigm of Christian axiology.

Key words: *pure art, the plot of the fall, the motive of the kneeling, elegy, psychologism.*

(Статья поступила в редакцию 26.06.2018)

Н.Е. РЯБЦЕВА, Н.Е. ТРОПКИНА
(Волгоград)

ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В ПОЭЗИИ ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА

Рассматриваются различные аспекты образа юродивого в творчестве поэта Олега Чухонцева. Выявляются истоки, художественная семантика и типология образа.

Ключевые слова: *лирика, образ, юродство, традиции, поэтика.*

Творчество Олега Чухонцева – одно из самых значительных явлений в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. И.В. Остапенко в статье «Экзистенциальные поиски Олега Чухонцева» отмечает: «Лирический субъект О. Чухонцева эволюционировал вместе со временем, то вписываясь в современную ему общественно-социальную атмосферу, то взрывая ее своими откровениями, предупреждая и останавливая человечество на краю пропасти» [6, с. 69]. Своего рода ключ к интерпретации зрелого творчества поэта дает феномен юродства – парадоксальной формы святости – и образ юродивого, маркирующий «трагический вариант смехового мира» (А. Панченко).

Концепт юродства в русской литературе представлен многогранно: как путь духовного совершенствования, тип святости в восточно-христианской духовности; сложный, многоликий феномен, балансирующий на грани между православной церковной и смеховой (низовой) культурой; как форма философской свободы и даже форма судьбы; поведенческий нигилизм и апофатическое взывание высшей истины; укорененная в русской культуре традиция творческого поведения и эстетический принцип писательства: «есть юродство овнешненное зримыми атрибутами – веригами, “непотребным” видом и “нелепыми”, т. е. отрицающими лепоту благоприличия, жестами, а есть юродство внутреннее, интериоризованное в глубину мыслительных структур и преобразованное в апофатику высказывания» [3, с. 282].

Тема юродства занимает значительное место и в русской литературе второй половины XX – начала XXI в. Так, в поэзии Олега Чухонцева «память юродства» актуализирована в различных трансформациях и художественных воплощениях. Сквозным образом в зре-

лом творчестве поэта становится образ юродивого и сопутствующие ему темы и мотивы, такие как мотив пути, тема судьбы / рока, тема молчания / безмолвия и т. д.

В книге Олега Чухонцева «Фифиа» парадигма юродства реализуется посредством поэтики, присущей мотивам сна и молитвы. Художественное пространство книги построено на пересечении мира обыденного и метафизического, между ними в экзистенциальной ситуации напряженного духовного поиска, «путая сон и явь» (с. 304)*, пребывает лирический герой. Характерны образные номинации лирического «я» в сборнике – странник, убогий, пророк, калека, блаженный. Каждый из лирических героев книги Чухонцева по своему моделирует ситуацию антиповедения: «выход юродивого за рамки мира и антимира, мира “вообще”, подразумевает утверждение им нового, сакрального миропространства, в котором он себя и помещает и которое он строит по праву наличия своей индивидуальной связи с высшим миром» [11, с. 53]. Чуждость здешнему миру, причастность сверхреальности присущи различным героям книги: будь то блаженная Даша, потерявшая в смуте Гражданской войны мужа, «белого офицера», либо Кыё, мычащий «в слепящем сумраке дня» то ли причет, то ли проклятья, или же странник, бредущий из «темной провинции» в поисках Божьего храма.

Примечательно, что герои, в силу своего инакомыслия выпадающие из колеи исторического времени, живущие в конфронтации с исторической реальностью, встречались и в ранней поэзии Чухонцева: Дельвиг, Каховский, Чадаев, Курбский и т. д. Однако именно в его зрелом творчестве подобная стратегия антиповедения героев стала обретать религиозно-философскую мотивацию, созвучную культурной парадигме юродства. Это в целом соответствует мировидению позднего Чухонцева: в его поэзии обращение к исторической реальности существенно модифицировано мифопоэтической образностью и библейской метафорикой. Картина мира в книге «Фифиа» балансирует на грани релятивизма, границы между живым и мертвым, добром и злом, светом и тьмой стерты. Поэт воссоздает модель антимира, нередко прибегая для этого к урбанистическому пейзажу, наделенному чертами экспрессионизма: «Стервой пованивает, вороны с карканьем рыщут, чем поживиться, / в выломанной арматуре зияет черны-

ми внутренностями пейзаж, / где, как шумерский воин в обузе собственной амуниции, / не притупивши оружия, почует / мертвым сном Минтяжмаш» (с. 283).

Пространство антимира в стихах Чухонцева пронизуемо: границы реального и ирреального стираются, постепенно утрачивается ощущение реальности пространства и времени: «Кто тут мертвый, а кто живой? Перед кем держать ответ? / Смотришь в сумерки и не видишь, свои ли, чужие лица: / и этот берег, и дом с верандой – плацдарм, которого нет...» (с. 273). Лирический герой Чухонцева пытается на краю зияющей бездны, в предчувствии катастрофы, осмыслить прошлое и настоящее человека, ответить на извечные философские вопросы: «Зачем человек явился? / Зачем как судьбу толкает два колеса, / и в праздники плачет, и лихо с улыбкою терпит, / и радуется не к месту...» (с. 303).

Сюжет одного из самых известных стихотворений Чухонцева о Кыё, стоящем «по колено в воде» и улыбающемся пустоте своим беззвучным ртом, можно считать метафорой трагедии современного человека, тщетно пытающегося сквозь «бред и морок» окружающего хаоса познать истину бытия. В подтексте стихотворения зашифрованы инвариантные для темы юродства мотивы нищеты, странничества, «перевернутого поведения», поскольку юродствование включает «еще и дополнительный смысл – вести себя каким-либо нестандартным образом» [2, с. 240].

Нестандартное поведение героя переводит лирическую ситуацию из пространства видимого мира в реальность метафизическую, к которой причастен блаженный: «и слабый, белый / тянется инверсионный след за ним, / медленно растекаясь и багровея / знаками тайн...» (с. 304). Обращает на себя внимание сложная субъектно-объектная структура стихотворения, о чем пишет И.В. Остапенко в статье «Экзистенциальные поиски Олега Чухонцева» [6]. Знаменательно, что сложная структура стихотворения порождает различные трактовки его жанровой природы (см.: [4; 5; 7]). Многоуровневая полифоническая композиция текста, в котором пересекаются голоса автора, героя Кыё, прохожих, матери, литературно-мифологические и биографические коды, соотносится с лейтмотивом книги, вынесенным в заглавие: прямое значение слова *фифиа* (*fifia*) в переводе с языка суахили – «исчезать, рассеиваться, улетучиваться, иссякать». Тайна бытия, скрытая в звуках *Кыё*, ускользает и растворяется в пустоте, из которой явился и в

* Цитаты из поэзии О. Чухонцева приводятся по изданию [9] с указанием страниц в круглых скобках.

которую возвратится герой-юродивый: «...но нет у пустоты ответа, / нет и всё! Ах ты катанье наше, мытье, / никуда от вас – Иордан, Флегетон и Лета / или Вохна у ног... не знаю... Кыё. Кыё» (с. 304). Водная стихия в данном контексте реализует широкий спектр смыслов, объединенных мотивами «вечность» – «память» – «забвение». Путь лирического героя – это путь к истокам Логоса, к глубинам прапамяти, к священной немоте.

Примечательно, что тема немоты, пересекаясь с идеями конца истории, цивилизации и культуры, пронизывает зрелое творчество Чухонцева. О поэтическом слове, возвратившемся к истоку – к звукообразу, неоднократно размышлял поэт в своих интервью: «Ты просыпаешься с одним только звуком, тебе нечего сказать, кроме этого звука – мычания. Лучшей формулы поэзии не придумано в XX веке – “простое как мычание”» [10]. Размышляя о современном состоянии духовного упадка, поэт говорит о том, что «надо прожить умирание, то есть надо пройти путем Лазаря» [Там же]. Чухонцев моделирует юродство как особый тип творческого поведения: его лирический герой не слышит ничего, кроме птичьего пения, и забывает все «мирские» слова, сохраняя только молитвы: «Ничего, опричь молитвы, и не помню, окромя: / Мати Божия, Заступнице в скорбех, помилуй мя» (с. 305). Роль поэта оказывается аналогична духовному подвигу и эсхатологизму юродивого: нести Слово Божие миру.

В стихах Чухонцева последних лет отчетливо реализуется тенденция к художественным экспериментам над словом, языком, ритмом, синтаксисом: поэтическая фраза в его стихах как бы рождается заново – из глубинных истоков подсознания и праязыка:

сперва планетарий сачок гербарий
потом крематорий и колумбарий

бабочки и цветы цветы
сначала я потом ты (с. 4).

Подобные художественные эксперименты могут быть оценены как одна из форм реализации в поэтической картине мира Чухонцева модели особого творческого поведения, которое в терминологии М.М. Бахтина определяется как «эстетизированное юродство»: «Юродство <...> есть своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком» [1, с. 397]. В стихотворении 2015 г. лирический герой реализует характерную для юродства

стратегию творческого поведения как осознанного ухода поэта из бренного мира в инобытие – в реальность сна как творческого под-сознания:

Чтобы осталась хоть горстка, исписывай гору,
гуру один говорил, а я не пишу ничего
и, забываясь в пещеру (платоновскую), как в нору,
тем и питаюсь, что вижу из сна своего (с. 3).

Характерно, что образ поэта-отшельника, осмысленный в парадигматике юродства, появлялся в поэзии Чухонцева и ранее, например, в стихотворении 1977 г. «Батюшков», в котором тема безумия как ухода поэта в инобытие окрашена в трагические тона: «– Где ты, Батюшков, был, где всю жизнь пропал? / – В небесах, говорит, – в небесах» (с. 160). А.Э. Скворцов в статье «Стихотворение О. Чухонцева “Батюшков” (генезис, форма, жанр, подтексты)» отмечает: «Образ безумного Батюшкова оказался Чухонцеву более близок при воплощении представлений об отношениях поэта и реальной действительности» [8, с. 115]. Драматическая судьба Батюшкова рифмуется с литературной судьбой целого поколения поэтов – современников Чухонцева. Безумие в данном контексте продуцирует главным образом тему страдающего и одинокого художника. Примечательны образы солнца / света и визуальная метафорика («глянул – солнце колом – а пустыня для глаз»), а также образная параллель «свет» – «разум» («То ли свет, то ли разум потух») (с. 160), актуализирующие пушкинский метатекст с его устойчивыми концептами «Жизнь» – «Свет» – «Творчество». В подтексте стихотворения Чухонцева очевидны аллюзии на пушкинское стихотворение 1835 г. «Не дай мне Бог сойти с ума...», которое кардинальным образом разрушает традиционный романтический взгляд на тему безумия как творческого вдохновения и переводит ее в подчеркнута сниженный план. Кроме того, известно, что одним из событий, ставших стимулом к написанию стихотворения, был визит к душевнобольному Батюшкову, поэту, которого в юности Пушкин считал одним из своих наставников.

Юродство как особая эстетическая стратегия и принцип творчества особенно выразительно реализуются в стихах Чухонцева, ориентированных на жанровую традицию стихов-молитв. В этих стихотворениях отчетливо прослеживается мотив духовного странничества, актуализированный с помощью хронотопа пути-дороги. В стихотворении «Я из темной провинции странник...» духовно-эстетическая

доминантой юродства выступает сам процесс творчества как путь умирания – воскрешения, поиска и обретения Бога. Образ поэта-странника реализует традицию юродства, связанную с идеей ухода из мира, социума, освобождение от его ложных ценностей и условностей: «Я хлебнул этой жизни непутевой, / отравил душу пойлом непотребным, / и давно бы махнул на все рукою, / каб не стыд перед Материю Божией» (с. 313). Духовное странничество лирического героя соотносится с концепцией средневекового юродства в его стремлении к поиску истины, скитанию «меж двор». Итогом духовного скитания должно стать для лирического героя обретение Божьего храма: «и порог я перейду Тваво храма / и поставлю две свечи у пещеры» (с. 313).

Таким образом, можно отметить, что в зрелом творчестве О. Чухонцева актуализируются различные грани темы юродства и образа юродивого, находя воплощение на разных уровнях художественной структуры поэтического текста.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1972.
2. Иванов С.А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Яз. слав. культур, 2005.
3. Исупов К.Г. Франциск из Ассизи в памяти русской культуры // Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Рус. христ. гуманит. академия, 2010. С. 264–302.
4. Козлов В.И., Мирошниченко О.С. Жанровое мышление неканонической лирики: моногр. Ростов н/Д.: Изд-во Юж. фед. ун-та, 2015.
5. Левицкая Н.Е. Субъектная организация пейзажного дискурса лирики Олега Чухонцева // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 193–199.
6. Остапенко И.В. Экзистенциальные поиски Олега Чухонцева // Вопр. рус. лит. 2015. № 4. С. 69–92.
7. Скворцов А.Э. Апология сумасшедшего Кыё-Кыё: выбранные места из философической переписки с классикой (Опыт прочтения одного стихотворения Олега Чухонцева) // Знамя. 2009. № 8. С. 176–186.
8. Скворцов А.Э. Стихотворение О. Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // Уч. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 2. С. 111–116.
9. Чухонцев О. Из сих пределов. М.: ОГИ, 2005.
10. Чухонцев О., Шайтанов И. Спорить о стихах? [Электронный ресурс] // Арион. 2004. № 4. URL: http://chuhoncev.poet-premium.ru/texts/20040000_arion4.html (дата обращения: 26.03.2018).

http://chuhoncev.poet-premium.ru/texts/20040000_arion4.html (дата обращения: 26.03.2018).

11. Юрков С.Е. Православное юродство как антиповедение // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX века). СПб: Изд-во «Летний сад», 2003. С. 52–69.

* * *

1. Bahtin M. Problemy pojetiki Dostoevskogo. 3-e izd. M.: Hudozh. lit., 1972.
2. Ivanov S.A. Blazhennye pohaby: kul'turnaja istorija jurodstva. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2005.
3. Isupov K.G. Francisk iz Assizi v pamjati russkoj kul'tury // Sud'by klassicheskogo nasledija i filosofskoj estetikeskaja kul'tura Serebrjanogo veka. SPb.: Rus. hrist. gumanit. akademija, 2010. S. 264–302.
4. Kozlov V.I., Miroshnichenko O.S. Zhanrovoe myshlenie nekanonicheskoj liriki: monogr. Rostov n/D.: Izd-vo Juzh. fed. un-ta, 2015.
5. Levickaja N.E. Sub#ektnaja organizacija pejzazhnogo diskursa liriki Olega Chuhonceva // Vestn. Ke-mer. gos. un-ta. 2016. № 2. S. 193–199.
6. Ostapenko I.V. Jekzistencial'nye poiski Olega Chuhonceva // Vopr. rus. lit. 2015. № 4. S. 69–92.
7. Skvorcov A.Je. Apologija sumasshedshego Kyjo-Kyjo: vybrannye mesta iz filosoficheskoj perepiski s klassikoj (Opyt prochtenija odnogo stihotvoreni-ja Olega Chuhonceva) // Znamja. 2009. № 8. S. 176–186.
8. Skvorcov A.Je. Stihotvorenje O. Chuhonceva «Batjushkov» (genezis, forma, zhanr, podteksty) // Uch. zap. Kazan. un-ta. Gumanitarnye nauki. 2012. T. 154. Kn. 2. S. 111–116.
9. Chuhoncev O. Iz sih predelov. M.: OGI, 2005.
10. Chuhoncev O., Shajtanov I. Sporit' o stihah? [Elektronnyj resurs] // Arion. 2004. № 4. URL: http://chuhoncev.poet-premium.ru/texts/20040000_arion4.html (data obrashhenija: 26.03.2018).
11. Jurkov S.E. Pravoslavnoe jurodstvo kak antipovedenie // Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI – nachalo XX veka). SPb: Izd-vo «Letnij sad», 2003. S. 52–69.

The image of the holy fool in the poetry of Oleg Chukhontsev

The article deals with various aspects of the image of a holy fool in the works of the poet Oleg Chukhontsev. The origins, artistic semantics and typology of the image are revealed.

Key words: lyrics, image, foolishness, traditions, poetics.

(Статья поступила в редакцию 14.04.2018)